Незадолго до отъезда в храм.

Сильвиен бессмысленно бродил по своему особняку.

Первым местом, куда он направился, стала спальня Канны.

Когда он осматривал ее комнату, неожиданно перед ним показался ее образ. Сидя на кровати и разговаривая, она постоянно заикалась.

— Х-хочу выйти...одежда грязная.

— Если вы правы, то сами постирайте. На что вам нужны руки?

Так ответила горничная.

Конечно, это не столь значительно.

— Там, в еде, было насекомое...

— Неужели?

— ...

— Прошу, съешьте все до единого кусочка. В самом деле, пренебрегать едой и ее не доедать — расточительство и невежественность.

Самое смешное, что Канна, следуя словам горничной, съела всех жуков.

Глупая женщина.

Она ела, поскольку сильно боялась.

— Немедленно просыпайтесь! Уже рассвело!

Послышался звук пощечины, нанесенной горничной. Разумеется, это были слуховые галлюцинации. Он знает, что это галлюцинации.

Но для нее все это не выдумка.

— Герцогиня наказана за несоблюдение времени приветствия мадам. Не смейте покидать комнату на следующей неделе.

Но это спальня, а не тюрьма.

Женщина даже не могла позволить себе покинуть комнату.

Снова становится душно. Он почувствовал, будто кто-то сдавливал ему горло.

Сильвиен покинул спальню.

Однако и в коридоре не было ничего значимого.

— Кья-я!

Канна поскользнулась. Служанки намеренно пошли через скользкое место.

Она разбила голову, и алая кровь заполонила пол.

Горничные, увидевшие состояние Канны, только рассмеялись.

Канна скуксилась, но потом, последовав за ними, сама рассмеялась.

И на официальном ужине.

— Где вы научились подобному этикету еды! Немедленно уберите тарелку у этой сучки!

Джозефина свирепо рассмеялась, будто на ум пришла замечательная идея.

— Или всю еду просто смешайте в одной тарелке. Думаю, Канне так удобнее есть.

— Да, мадам.

Фрукты, овощи, стейк, тушеное мясо, воду, соус - все смешали в одной миске. Все, что только было можно, вывалили в одну тарелку, как собачий корм, и бросили перед Канной.

— Ну, и что ты делаешь? Быстро все ешь!

Канна вздрогнула и покорно положила еду в рот. Но в итоге она не смогла себя пересилить, и

ее вырвало.

— Так и знала, эта девчонка без манер. Как нищенка из подворотни.

Джозефина вместе с горничными внимательно наблюдали. Канну, чья спина вздрагивала, тошнило. Ее вновь тошнило и рвало, пока не вышел желудочный сок.

— Даже аппетит пропал. Ты все испоганила, так что уберись здесь.

Цокнув языком, она добавила.

— Это так по-скотски.

По-скотски. По-скотски.

Если задуматься, разве он сам не говорил подобные строки?

Однажды на банкете, в ночному саду, была растрепанная Канна.

— Вы даже не можете вести себя не по-скотски.

Сильвиен остановился.

Когда он пришел в себя, то уже находился все сада.

Он повернулся и остановился. В его глазах это был просто красивый сад.

Но и это место было небезопасным.

— Х-холодно, впустите меня. Мама, я ошиблась, мне жаль.

Однажды, когда выпал снег, Канна стояла босиком в саду и умоляла. И снова она не соблюла время приветствия.

Три раза в день. Утром, в обед и вечером.

Если опоздать хоть на минуту, Джозефина гневалась и пылала, как пожар. И наказание было молниеносным и жестоким.

Так она жила целых семь лет.

— Семья Эдис не способно воспитать свою дочь.

— Простите, мне жаль.

— Ты хочешь доставлять нам проблем? Просто хоть один раз правильно запомни мои слова и правила. Неужели это так сложно?

Джозефина, окутанная шубой с шалью из лисьего меха, смотрела на Канну и высмеивала.

— В молодости я думала, что все дети герцогов воспитаны и прекрасны, но я ошиблась насчет тебя, Канна. Или все просто потому, что ты внебрачный ребенок?

Она давила на Канну из-за ее комплекса неполноценности. Она сжимала снова и снова и выдавливала до последней капли сока.

— Извините.

— Что ж, хорошо. Поразмышляй об этом, пока я не дам тебе своего разрешения.

Джозефина обернулась и фыркнула. И вошла в теплый особняк.

Несколько часов на холоде Канна дрожала и всхлипывала. Она плакала, встретившись с глазами.

— Мама, мама, мама...

Сильвиен закрыл глаза. Раздался звонкий голос, подобный иллюзии.

И он снова разомкнул веки. Он поспешно двинулся вперед.

Когда он вошел в карету, у него перехватило дыхание.

— Мы трогаемся, сэр.

Но Сильвиен не ответил.

Экипаж мчался, удаляясь от особняка Валентино. Он холодно взглянул на маленькое здание за

окном.

И в этот момент в голове снова заиграл голос Канны.

— Но для меня это то же, что и издевательства, скрывающиеся в прелестном особняке, где страдала женщина и таила свою боль.

Так и было.

Это все правда.

Он знал, что Канна страдает. Он знал.

Он знал.

Почему ему тогда не пришло то осознание, как сейчас?

Это тоже было ответом на ее слова.

Возможно, он неосознанно думал, что вся ее участь несравнима с битвой, борьбой, и защитой континента, где он рисковал своей жизнью.

У каждого в мире есть своя несчастная доля, потому, возможно, он думал что ее горе томительно и обыденно.

Вот почему его подобное не волновало.

Сильвиен не интересовался ею.

Давным-давно, очень давно, он вспомнил, как поймал почти сбежавшую девушку.

Он искал и инкогнито слушал истории о том, что в храме был воспитан мальчик как следующее божество, но в конце концов он сбежал в империю.

Потом он увидел четырнадцатилетнюю Канну.

В те времена Канна была очень глупа.

Она шла по улице, даже не подозревая, что стала целью грабителей.

Он хотел оставить ее в покое, но вспомнил, что в сражении ему помог герцог Эдис.

На тот момент Сильвиену было семнадцать. В отличие от нынешнего, мужчина был небезупречен.

Вспомнив герцога Эдис, который помогал ему много раз, он схватил его дочь и передал Эдисам.

Тогда девочка смотрела на него глазами, полными горести и обиды.

Она смотрела на него так, будто ее гонит убийца вдоль крутого обрыва.

Гнев, ненависть, печаль и отчаяние кипели, как лава.

После встречи этого взгляда, он вспоминал о нем раз или два в год. Эти глаза кипели неутолимый гневом и отражали всю силу и волю.

Даже сейчас он мог отчетливо помнить те очи.

Это поэтому?

Спустя несколько лет, когда он снова встретил Канну, то согласился на ее предложение.

— Вы же желаете избежать помолвки с принцессой Лилиан, правда?

Безусловно, так и было.

Но он знал десятки способов, дабы ее избежать. Ему даже не стоило прибегать к фальшивому браку.

— Хорошо.

Но Сильвиен согласился.

Так или иначе, предложение было неплохое.

И тогда какое-то время ему было любопытно, как выросла девочка с тем пламенным взглядом.

Но почему?

Сильвиен быстро забыл те глаза.

К удивлению, та Канна наводила лишь скуку. Тот огонь погас.

И ему она стала безынтересной.

Умрет или нет. Живет или нет.

Он не хотел знать, какую боль она перенесла в особняке.

Сильвиен тихо рассмеялся.

Что ж, почему именно сейчас он решил выяснить о ней все .

Он даже пытал своих слуг и насильно выжимал из них все до мельчайших подробностей.

Но сейчас его пробирало любопытство: как жила Канна в особняке, какие страдания она перенесла.

Лишь теперь.

— А?

Первая ночь в храме.

Незадолго до сна Канну застигнули врасплох.

К ней пришел Сильвиен.

— Вы спите?

— Нет. Только собиралась ко сну...

Канна осмотрела его с головы до ног.

Стоя в темном коридоре, он был одет в идеальный костюм. Даже галстук, обмотанный вокруг шеи, превосходно вписывался в образ.

Как всегда он ослепительно великолепен.

'Что случилось?'

Однако она почувствовала, что он не походит на себя самого. Канна склонила голову.

— Какое у вас ко мне дело?

— Ненадолго.

— А...

Ненадолго. Тот, кто произнес эти слова, толкнул дверь. И затем вошел в комнату.

— ?...

Почему?

Она была слегка озадачена, но отпустила свои чувства.

'Мне что-то нужно знать заранее?'

Завтра наступит церемония развода. Возможно, есть часть, которую она не знала.

Очевидно, он поэтому к ней пришел в эту грандиозную ночь.

— Что такое? Для начала присядьте.

Но он не сел на диван.

Вместо этого он прислонился спиной к стене. Он наклонил голову и на нее уставился.

— ?

Канна столкнулась с этим взглядом.

Посмотрев в него какое-то время, она кое-что заметила.

Кое-что странно, отличное от обычного.

Залитой луной лицо Сильвиена было слишком ясное.

Он не скрывал своего выражение лица под привычной непрозрачной маской и ослепительной улыбкой.

— Что произошло?

Почему он это делает?

Почему он пришел, не надев свою привычную безупречную маску?

Зловещее предчувствие исходила от ее затылка.

— Почему так внезапно?

— Как знать.

Он прямо выбросил ответ.

Без единой нотки добросовестности.

— Я не знаю.

Он не соблюдал даже манер.

Канна слегка смутилась и уставила на него взгляд. Наклонившись, он наблюдал за ней одним глазом.

Вздор.

Что за надменный вид?

— Вам есть, что сказать?

— Ах.

Сильвиен вяло склонил голову. Растрепанные серебристые волосы прикрывали один глаз. На

первый взгляд казалось, что голубые глаза были наполнены скукой.

— Думаю, что именно так.

— ...

— Или же нет.

Что это...

Он что, выпил?

Неужели распивал алкоголь?

Нет. От него не пахнет спиртными напитками. Разве не запрещен в храме алкоголь?

— Если у вас нет ко мне дел, вам лучше уйти.

Канна привела в порядок свои спутанные мысли. Она была удивлена непривычному выражению лица, но не собиралась все время пребывать в растерянности.

— Завтра утром состоится церемония расторжения брака. Мне нужно рано встать, поэтому следует сейчас лечь спать.

— Церемония развода.

Он повторил это слово пустым голосом. Даже лицо напоминало куклу с пустой оболочкой.

Для Канны подобное невероятно странно и подозрительно.

Сильвиен не смеялся и не улыбался.

— В тот день я изгнал Джозефину Эллестер.

— Знаю. Я слышала.

Новость мгновенно распространилась.

Джозефина, прежняя хозяйка Валентино, отправилась в захолустье.

В холодную Клентину, где полно варваров!

— Вы слышали?

— Да.

— Так что?

— А?

— Что вы собираетесь теперь делать?

— ...

Канна непрерывно моргала глазами.

Что собираюсь теперь делать?

Она с трудом улавливала суть разговора.

Сильвиен вздохнул. Затем он нервно взъерошил свои волосы.

И два глаза разомкнулись.

И он спросил снова.

— Какие у вас планы?

Голубые глаза пристально смотрели на Канну.

— Не хотите вернуться?